

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2)

EDN [WKBTIW](https://www.edn.ru/WKBTIW)

ПАСПОРТНАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ (РСФСР) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исупов В. А.

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Для цитирования: *Исупов, В. А. Паспортная статистика как источник по истории миграции в России (РСФСР) в годы Великой Отечественной войны // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 26–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2). EDN [WKBTIW](https://www.edn.ru/WKBTIW).*

Аннотация. Основная цель статьи – по возможности дать детальную источниковедческую характеристику блока статистических документов, используемых исследователями для изучения территориальных перемещений населения: историками – в прошлом, демографами, экономистами и географами – в настоящем. При этом в задачи автора главным образом входит выявление происхождения источника, анализ информативности, полноты и достоверности статистических сведений, получаемых на основе прописки-выписки паспортов. С позиций социальной истории бюрократический акт оформления прописки-выписки паспортов представляет собой следствие сложившегося к середине 1930-х гг. жесткого паспортного режима. Прежде всего этот режим был необходим государству как инструмент контроля над советскими гражданами. Вместе с тем он использовался как своеобразный социально-бюрократический механизм фиксации территориальных перемещений населения, оценки их объема и структурных характеристик. Функционирование такого механизма, оценка достоверности, точности и сопоставимости сведений представляет большой интерес для всех, кто так или иначе исследует миграции советского периода. На основе регистрации прописки-выписки можно выявить численность мигрантов, их состав по полу и возрасту, а главное – территориально-географические направления передвижения населения по стране. В этом аспекте важно определить собственно механизм получения данных, представить характеристику социально-бюрократического процесса, вследствие которого материалы прописки-выписки превращались в цифровые данные, характеризующие миграции. С такой целью статистики разрабатывали два вида табличных форм, в которых фиксировались сведения о передвижении населения по месту выбытия и месту прибытия, а также о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту. Эти данные имели особую важность в годы Второй мировой войны, поскольку играли первостепенную роль при определении военно-мобилизационных и трудовых ресурсов. Соответственно, в статье большое внимание уделяется изучению собственно механизма получения статистических сведений.

Ключевые слова: паспортный режим, миграции, прописка, выписка, регистрация прибывших-выбывших, статистический источник

Введение

В годы Великой Отечественной войны паспортный режим и получаемые на его базе статистические материалы, характеризующие территориальные перемещения населения, имели огромное практическое значение. Паспортная статистика в военные годы предоставляла государственным органам сведения чрезвычайной ценности. Их важность обуславливалась по меньшей по меньшей мере тремя факторами. Во-первых, статистические сведения, получаемые на основе прописки-выписки, содержали информацию о численности мигрантов, а следовательно, использовались не только для оценки мощности миграционных потоков, но и для расчетов численности населения. Во-вторых, материалы паспортной статистики

позволяли выявить структурные параметры миграций, а именно: данные о прибывших-убывших по возрастному и половому признакам. В-третьих, огромное значение паспортная статистика имела для определения территориально-географических направлений миграционных потоков. Таким образом, без данных паспортной статистики невозможно было получить чрезвычайно значимую в годы войны информацию о военно-мобилизационных и трудовых ресурсах. Заместитель начальника ЦСУ Госплана при СНК СССР И. Ю. Писарев в письме от 15 июня 1943 г., адресованном начальникам региональных статуправлений, указывал на то, что расчеты численности населения на основе материалов не только естественного, но и миграционного движения населения «имеют исключительно большое практическое значение и должны производиться со всей возможной тщательностью... Расчеты должны быть самым тщательным образом проконтролированы и проверены»¹. Что касается современных исследований миграции, то очевидно – без данных паспортной статистики изучение многих аспектов территориальных перемещений населения в нашей стране вообще невозможно [1].

Становление и развитие паспортного режима

Паспортный режим, действовавший в РСФСР в годы Второй мировой войны, являет собой результат длительной предшествующей эволюции. Но в этой статье нет необходимости в детальной характеристике развития паспортного режима. Наша цель состоит в другом: в анализе социально-бюрократического механизма, вследствие функционирования которого появлялись статистические данные, характеризующие миграции. Кроме того, возникновение и развитие паспортного режима достаточно глубоко проанализировано в научной литературе [2–5]. В связи с чем ограничимся лишь краткой характеристикой становления паспортного режима, без этого затруднено понимание самого процесса получения статистических сведений, вытекающих из особенностей его работы.

Паспортный режим в нашей стране своими корнями уходит в дореволюционное прошлое. В царской России паспортная система была важным инструментом контроля над населением и его территориальными перемещениями. Но после прихода к власти большевиков паспортный режим был перестроен в сторону смягчения. Отныне любой документ, выданный государственными органами, расценивался как удостоверение личности. Соответственно, демонтированный паспортный режим не был в состоянии выполнять роль основы столь необходимой для получения статистических данных о миграциях. Однако в «ослабленной» версии паспортный режим просуществовал недолго, поскольку государство не могло допустить территориальные перемещения граждан вне бюрократического контроля. В середине 1920-х гг. институт прописки как инструмент контроля над населением и его перемещениями населения был возобновлен.

С целью регистрации прибывших и выбывших в городах были созданы специальные бюрократические структуры – так называемые «адресные столы», а в крупных городах – «бюро». Каждый гражданин, прибывший в город или выбывший за его пределы, был обязан прописаться или выписаться. Иными словами,

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 19.

зарегистрировать факт своего прибытия-выбытия. При этом фиксировались пол и возраст мигранта, место, откуда он прибыл или куда выбывает. Тем не менее неполнота регистрации территориальных перемещений очевидна. Во-первых, далеко не все граждане имели паспорта, вследствие чего регистрация могла быть произведена по предъявлении любого документа. Владение паспортом было правом гражданина, но не его обязанностью. А во-вторых, адресные столы (бюро) создавались далеко не во всех городах. Согласно оценкам статистиков тех лет, адресные столы (бюро) охватывали всего 3/4 городского населения РСФСР, а статистической обработке подвергался материал, характеризовавший менее 1/3 городского населения². Переселения в сельской местности и перемещения людского контингента в небольших городских поселениях не фиксировались вовсе. В одном из региональных архивов нами обнаружен документ, содержащий оценку регистрации прописки-выписки в РСФСР в конце 1920-х гг. В циркулярном письме Госплана РСФСР, разосланном в мае 1930 г. по региональным статистическим управлениям, подчеркивалось: «...ни передвижения населения в небольшие города и поселения городского типа, ни передвижения населения из одних сельских местностей в другие не получают освещения в настоящее время»³. Но и там, где бюрократические структуры, предназначенные для фиксации прописки-выписки были созданы и где имелись квалифицированные статистики, способные проводить сложные расчеты, значительная часть мигрантов игнорировала требования государства о прописке-выписке и, стало быть, не фиксировала свои передвижения.

В результате при создании в нашей стране механизма фиксации территориальных перемещений населения сложились три основных источника статистических погрешностей: недостаточный охват территорий адресными столами; неполнота регистрации прибывших и выбывших там, где адресные столы имелись; неполная разработка полученных данных. Тем самым существовавшая в РСФСР система текущей регистрации миграций не давала полного представления о переселенческих потоках. Такая ситуация не удовлетворяла власти, поскольку отсутствовал надежный инструмент измерения территориальных перемещений. Имелись и причины социально-политического характера. Бурно формировавшийся в 1920-е гг. сталинский политический режим стремился к тотальному контролю над гражданским обществом. При этом важно было проконтролировать и территориальные перемещения людей. Итак, слабости паспортной системы вступали в противоречие с базовыми принципами функционирования сталинского государства.

Решение проблемы, как казалось руководителям тех лет, было найдено 27 декабря 1932 г., когда ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»⁴. Постановление дополнялось детально разработанной «Инструкцией о выдаче паспортов гражданам СССР в гг. Москве, Ленинграде и Харькове и 50-километровой

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 63.

³ Там же.

⁴ Собрание законов и распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее СЗ СССР). № 84. 1932, отд. 1, ст. 516.

полосе вокруг г. Харькова». Инструкция была утверждена особым постановлением СНК СССР от 14 января 1933 г.⁵ и, таким образом, приняла вполне завершённый вид.

Согласно этим документам, все граждане СССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживавшие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте и в совхозах, обязаны были иметь паспорта. Ранее действовавшие удостоверения личности всецело отменялись. Отныне действительным становился исключительно паспорт. Паспорта выдавались после строгой проверки на политическую лояльность и отсутствие криминальных связей только населению крупных городов и жителям пограничных районов. Так называемая «паспортизация» проводилась также в рабочих поселках, имевших особое значение с позиций индустриального роста, в некоторых совхозах и на транспорте. Большая часть сельского населения, жители небольших городов и поселков городского типа лишались права на получение паспорта (за исключением проживавших в десятикилометровой пограничной зоне). В сущности, эти граждане превентивно рассматривались как нелояльные. Что же касается собственно источниковедческого аспекта проблематики, то будет правильным уточнить, что постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. для всех лояльных обладателей паспортов была введена обязательная прописка-выписка в городах, которая и должна была сыграть роль инструмента для получения статистических сведений о миграциях. Но прописка как инструмент измерения масштабов, структуры и географического направления миграционных потоков своей роли сыграть не могла. Значительная часть граждан по-прежнему не оформляла ни прописки, ни выписки. Из чего следует, что надежный инструмент измерения миграционного движения населения, как и прежде, отсутствовал. Более того, вопрос о миграции во Всесоюзной переписи населения 1939 г., в отличие от Всесоюзной переписи населения 1926 г., отсутствовал. Выходит, что официальная публикация данных о миграции в многочисленных статистических справочниках, издаваемых ЦУНХУ СССР в 1930-е гг., не соответствовала действительности.

Власти настойчиво стремились усилить результативность паспортного режима, а следовательно, и усовершенствовать инструмент фиксации прибывших – выбывших. С этой целью было разработано более изощренное и значительно улучшенное (по сравнению с постановлением от 27 декабря 1932 г.) «Положение о паспортах», утвержденное 10 октября 1940 г.⁶ и действовавшее в течение всей Второй мировой войны. Рассмотрим его подробнее.

Несмотря на значительные усовершенствования, «Положение о паспортах» 1940 г. по сути своей повторяло все недостатки постановления 1932 г. Самый существенный из них состоял в том, что колхозники (т. е. большинство сельского населения), а также единоличники как в 1932 г., так и в 1940 г. паспортами не обеспечивались. Паспорта как показатель политического доверия со стороны государства, а вместе с тем – как инструмент особо строгого контроля получали только те граждане (в возрасте от 16 лет), которые постоянно проживали в городах, рабочих поселках, районных центрах и населенных пунктах, где располагались МТС. Выдавались паспорта и гражданам, постоянно проживавшим в населенных пунктах

⁵ СЗ СССР, № 3. 1933, ст. 22.

⁶ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24, ст. 591.

Московской области, в населенных пунктах в 100-километровой полосе вокруг г. Ленинграда (по-видимому, это послужило основой возникновения советского новояза «101-й километр»). Имели право на получение паспортов и граждане, проживавшие в населенных пунктах, расположенных в пограничных зонах, работавшие на новостройках, водном и железнодорожном транспорте, в совхозах. Паспорта выдавались после проверки на политическую лояльность и при предъявлении массы документов, таких как свидетельство о рождении, учетно-воинский билет, справка о постоянном проживании, заверенная управдомом или сельсоветом, справка с места работы или учебы. Таким образом, главной функцией паспортного режима, как и прежде, являлось ужесточение контроля государства над гражданами.

Сталинское государство преуспело в увеличении числа граждан, которые попали под строгий контроль посредством паспортного режима. Во всяком случае, в 1939 г. из 2 350 городских поселений СССР, жители которых обрели право на получение паспорта, паспортным учетом было охвачено 2 291 городское поселение (97,5%)⁷. Несомненно, увеличение числа населенных пунктов, в которых действовал паспортный контроль, носило формальный характер, поскольку качество учета оставалось низким. Но безмерно бюрократизированное тоталитарное государство упорно стремилось к ужесточению паспортного режима. Немаловажным аспектом паспортного режима стало заметное усовершенствование механизма прописки паспортов. Согласно «Положения о паспортах» 1940 г. все граждане, меняющие место своего жительства в пределах населенных пунктов, где введена паспортная система, либо вновь прибывающие на постоянное или временное проживание в населенные пункты, вне зависимости от того введена ли в данной местности паспортная система, обязаны были прописать свой паспорт в течение 24 часов по прибытии на новое место жительства.

За пределами паспортного контроля оставались граждане, не получившие паспортов (например колхозники) или те, кто проживал в местностях, где паспорта не выдавались. В результате вне паспортного учета оставалась значительная часть населения. Применительно ко Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР насчитывалось почти 76 млн колхозников (вместе с семьями), из которых в городах проживали 2,5 млн. И если условно допустить, что колхозники, осевшие в городах, обеспечивались паспортами, то свыше 73 млн колхозников, проживавших в сельской местности, право на получение паспорта так и не получили. Кроме того, перепись 1939 г. зафиксировала в СССР свыше 3-х миллионов крестьян-единоличников, также, как и колхозники, лишенных права на получение паспортов⁸. Количество граждан, проживавших в местностях, где паспорта не выдавались (независимо от социального положения и места работы) неизвестно, однако очевидно, таковых было значительное количество. Их миграции вообще не учитывались.

Но и те граждане, которые имели паспорта, зачастую, не регистрировали прописку-выписку. Так, в 1939 г. в РСФСР из общего количества 52 областей, краев и автономных республик в 7 регионах недоучет выбывших колебался от 5 до 7%,

⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 171, л. 1.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Москва : Наука, 1992. С. 95.

в 13 регионах – от 11 до 20%, и в 17 регионах – свыше 20%⁹. И это несмотря на то, что положение о паспортах 1940 г. предусматривало многочисленные наказания за нарушение паспортного законодательства. Прежде всего, ответственность в виде штрафных санкций возлагалась на должностные лица предприятий и организаций за прием граждан на работу без паспортов и с непрописанными паспортами. Штрафом до 100 руб. карались управдомы, коменданты и домовладельцы за допущенное проживание без прописки, без паспортов или с просроченными паспортами. Сами граждане за те же прегрешения подвергались штрафу до 100 руб.¹⁰. Повторное нарушение правил прописки и выписки влекло за собой ответственность по части II ст. 192-а УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик. Уголовный кодекс РСФСР, действовавший в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, при повторном нарушении правил прописки паспортов лицами, приезжающими в местности, где введена паспортная система, предусматривал исправительные работы на срок до шести месяцев. Проживавшие в тех самых местностях без паспорта и ранее подвергавшиеся административному взысканию за указанное нарушение могли быть лишены свободы на срок до двух лет¹¹.

И это было не пустой угрозой. Государство строго карало нарушителей паспортного режима. К примеру, во втором полугодии 1940 г. в одном только г. Новосибирске народными судами было рассмотрено 144 дела по нарушениям паспортного режима: проживание без паспорта, без прописки, без определенного места жительства. Из общего числа привлеченных к суду 63 человека были приговорены к лишению свободы, 61 человек – к исправительным работам¹². В г. Сталинске (ныне Новокузнецк) во втором полугодии 1940 г. за нарушение паспортного режима к одному году лишения свободы был приговорен 1 человек, к двум годам лишения свободы – 4 человека, к исправительным работам – 2 человека¹³. Из небольшой газетной заметки лейтенанта милиции Н. Донова, начальника паспортно-регистрационного отдела Хакасского областного управления НКВД «Строго соблюдать паспортный режим», опубликованной 3 ноября 1944 г. в газете «Советская Хакассия» (Орган Хакасского обкома ВКП(б), Абаканского горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся), мы узнаем, что в Хакасской автономной области за оформление граждан на работу без прописки органами милиции оштрафованы заведующая отделом кадров спецторга Скрыпченко, заведующая отделом кадров мясокомбината Колтыга, бывшая заведующая кадрами заготзерно, начальник военизированной охраны станции Абакан Пивнов. Гражданка Молофеева за просрочку паспорта оштрафована на 100 рублей. Впрочем, контрольно-карательные органы одними штрафами не ограничивались. В том же 1944 г. за систематической нарушение паспортного режима, проживание без паспорта и без прописки

⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 171, л. 2.

¹⁰ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24. Ст. 591.

¹¹ УК РСФСР. Комментарий. 2-е издание. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. Ст. 192-а. С. 229.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 1199, оп. 1а, д. 14, л. 153.

¹³ Там же, л. 164 об.

к уголовной ответственности были привлечены и осуждены Абаканским народным судом к двум годам лишения свободы О. Волкова и И. Житлов¹⁴.

Неоформление прописки-выписки объясняется не только недисциплинированностью отдельных граждан, но и сложной бюрократической процедурой регистрации, а кроме того, строгой проверкой на политическую лояльность. Например, в годы войны при оформлении выписки гражданин был обязан предоставить в местные органы милиции паспорт и документы, подтверждающие необходимость выписки: справку с работы об освобождении, распоряжение о переводе на другую работу, справку о вербовке, пропуск, выданный органами милиции для проезда по железной дороге.

Механизм получения статистических сведений

Для нас чрезвычайно важно понять, как на основе прописки-выписки паспортов формировались сведения о миграциях, нашедшие выражение в строгих цифрах статистической отчетности. С этой целью в СССР был создан особый бюрократический механизм. Первичными учетными документами статистики миграций являлись так называемые «адресные листки». Они заполнялись на граждан, предъявлявших паспорта для оформления прописки-выписки в домоуправления, комендантам общежитий и всем иным должностным лицам, ответственным за прописку-выписку. Адресные листки заполнялись в двух экземплярах: основной талон, пополнявший милицейскую картотеку на граждан и остававшийся в НКВД, и отрывной талон, предназначавшийся для статистической разработки. Отрывные талоны адресных листов в течение календарного месяца накапливались в паспортных столах милиции, а затем передавались в районные (городские) инспектуры ЦСУ¹⁵.

Регистрации в отрывных адресных листках подлежали:

– по оформляющим прописку – все прибывающие для постоянного жительства; эвакуированные, прибывающие в организованном порядке; прибывающие на работу и учебу; прибывающие в длительную, свыше полутора месяцев командировку; все члены семьи, прибывающие для совместного проживания;

– по оформляющим выписку – все выбывающие из числа постоянно проживающих, если выбывают совсем или на полтора месяца на учебу; на службу в вооруженные силы; все эвакуированные; все члены семьи; все выбывающие на работу независимо от срока, на который они выбывают; выбывающие из числа временно проживающих, если они выбывают по окончании срока временной работы или учебы;

– не заполнялись отрывные листы на прибывших (выбывших) в командировку; на краткосрочные курсы (до полутора месяцев); на совещания, съезды, конференции; на больных, прибывших в больницы; на приехавших на отдых, в отпуск, в гости¹⁶.

¹⁴ Советская Хакасия. 3 ноября 1944 г. № 220 (3861).

¹⁵ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Куйбышев : Госпланиздат, 1943. С. 180; Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Москва : Госпланиздат, 1945. С. 231–232.

¹⁶ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва : 1943. С. 39.

Районные (городские) инспекторы ЦСУ после статистической обработки отрывных талонов получали сводные данные по району (городу) и отправляли полученные цифровые материалы статистическим управлениям областей (краев) и автономных республик. Полученные сведения обобщались в административных границах области (края), автономной республики и ежемесячно передавались в ЦСУ союзной республики (в нашем случае в ЦСУ РСФСР). Из ЦСУ союзных республик материалы поступали в ЦСУ Госплана СССР, где подытоживались в масштабах всего Советского Союза. По окончании каждого года ежемесячные сведения объединялись в годовую сводку¹⁷.

Какие сведения о миграциях получали статистики?

В СССР использовались две основные табличные формы статистической отчетности, куда заносились все цифровые данные. Табличной формы об общей численности мигрантов не существовало, но эти сведения легко извлечь из материалов двух первых форм.

Форма № 1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» содержит следующие данные:

- из каких регионов прибыли (с разбивкой: из городов, из сельской местности, неизвестно из городов или из сельской местности, всего);
- в какие регионы выбыли (с разбивкой: в города, в сельскую местность, неизвестно в города или в сельскую местность, всего);
- за счет каких регионов формировался механический прирост (с разбивкой: за счет городов, за счет сельской местности, неизвестно за счет городов или сельской местности, всего).

Форма № 2 «Сведения о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту» включает такие данные:

- о количестве мужчин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), прибывших из городов, из сельской местности, неизвестно откуда;
- о количестве женщин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), прибывших из городов, из сельской местности, неизвестно откуда;
- о количестве мужчин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), выбывших в города, в сельскую местность, неизвестно куда;
- о количестве женщин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), выбывших в города, в сельскую местность, неизвестно куда.

Недостатки статистики миграций

Статистика о передвижении населения содержит большое количество информации, но не лишена изъянов, которые вытекают главным образом из особенностей советского паспортного режима. Паспортная статистика РСФСР, а вместе

¹⁷ Материалы и указания по организации учета и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Москва : Бланкоиздательство ЦСУ Госплана СССР, 1944. С. 39, 41.

с ней и механизм получения статистических данных имели ряд «родовых», в значительной степени неустранимых недостатков. Основной недостаток состоял в том, что паспортный режим, как уже говорилось выше, игнорировал дискриминируемые социальные группы, составлявшие значительную часть населения СССР, а именно: колхозное крестьянство и единоличников, лишенных паспортов. Соответственно, миграции внутри сельской местности (за редким исключением) не учитывались вообще. Это касалось и части перемещений сельских жителей в города. Несовершенство паспортной системы хорошо осознавалось статистиками. Так, начальник Статистического управления Молотовской области Мешавкин и начальник сектора населения и здравоохранения этого же управления Лезе 30 марта 1943 г. докладывали «наверх», в ЦСУ Госплана СССР: «Механическое движение по селу нами совершенно не учитывалось, т. к. село не паспортизировано... При исчислении (численности населения – прим. автора) мы допускаем неточность, не учитывая механическое движение по селу, в особенности убыль из села в связи с уходом в Красную армию»¹⁸.

Какая-то часть колхозников и единоличников, минуя паспортный контроль, прибывала в города и устраивалась на работу на заводы, фабрики, стройки, транспорт. Они проживали в городах без паспорта и прописки. Промышленные предприятия вследствие масштабных воинских мобилизаций испытывали столь острый дефицит рабочей силы, что кадровики под давлением руководителей предприятий вынуждены были идти на нарушения. Стало быть, миграции де факто имели место, но статистически не фиксировались. В частности, упоминаемый ранее начальник паспортно-регистрационного отдела Хакасской автономной области лейтенант милиции Н. Донов свидетельствовал, что ряд руководителей, игнорируя паспортную дисциплину, допускает прием на работу беспаспортных граждан или граждан, которые не имеют прописки¹⁹.

Деятельность домоуправлений, комендантов общежитий и всех лиц, ответственных за прописку-выписку, как и работа статистических учреждений, строго контролировались. Еще 27 ноября 1933 г. свет увидело постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об ответственности за предоставление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков предоставления отчетных материалов». Постановление требовало за предоставление умышленно искаженных учетных сведений и отчетных данных применять ст. 199 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением – не менее 6 месяцев лишения свободы). За систематическое злостное нарушение форм и сроков предоставления отчетных материалов виновные подлежали уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР (бездействие власти) – лишение свободы на срок до 3 лет. При смягчающих обстоятельствах требовалось применять ст. 112 ч. II: увольнение с должности и принудительные работы на срок до 1 месяца²⁰. В 1938 г. прокурором Союза ССР был отдан приказ всем прокурорам союзных и автономных республик, предписывающий тщательно рассматривать все сообщения органов ЦУНХУ при Госплане СССР

¹⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 3.

¹⁹ Советская Хакассия. 3 ноября 1944 г. № 220 (3861).

²⁰ ГАРФ, ф. А-482, оп. 10, д. 2319, л. 3.

(с марта 1941 г. – ЦСУ СССР) о нарушении теми или иными организациями правил о предоставлении статистической отчетности и принимать меры к привлечению виновных к уголовной ответственности»²¹. Тем не менее самые суровые меры, вплоть до уголовной ответственности, не могли обеспечить промышленность и стройки рабочей силой. Директорам заводов, которые отвечали за выпуск продукции, приходилось идти на многочисленные нарушения.

Фактором, способствовавшим образованию пробелов в статистической регистрации миграций, стал неполный учет эвакуированных. Эвакуация была специфической составной частью миграций военного времени. В 1941–1943 гг., когда масштаб эвакуации достиг своих пиковых величин, эвакуированные представляли собой миллионные массы граждан, вынужденно изменивших место жительства. О значении эвакуации в формировании общей картины миграций в военные годы мы писали еще в 2016 г. [6]. Однако в начальный период войны эвакуация статистически не учитывалась. И. Ю. Писарев 21 августа 1943 г. информировал начальника Главного управления милиции НКВД СССР Галкина: «Итоги разработки отрывных талонов адресных листов не могут быть использованы, так как распоряжением Главного управления милиции НКВД СССР за № 310/к от 24/XI – 1941 г. было отменено составление отрывных талонов при прописке, прибывших по эвакуации и составление адресных листов на выбывших эвакуированных»²². Соответственно, численность населения, перемещенного в ходе эвакуации, приходилось исчислять на основе сведений эвакоотделов и по количеству выданных продовольственных карточек²³. Только во второй половине 1943 г., когда эвакуация в основном была близка к завершению, заполнение адресных листов на эвакуированных, прибывших в организованном порядке, было восстановлено²⁴. И все же точное количество эвакуированных (если рассматривать их как мигрантов) до сих пор неизвестно. Л. Л. Рыбаковский, один из самых авторитетных отечественных демографов, внесший значительный вклад в разработку историко-демографической проблематики военного времени, отмечал, что вследствие неточности исходной информации различия в оценках численности эвакуированных колеблются в пределах от 10 до 25 млн человек [7, с. 9].

Еще одним крупным пробелом фиксации специфических форм миграций военного времени была не регистрация военнослужащих и спецконтингентов. В нашем распоряжении имеется большое количество служебных записок, циркулярных писем и указаний ЦСУ Госплана СССР, адресованных начальникам территориальных статуправлений. Как правило, они подписывались одним из руководителей ЦСУ Госплана СССР И. Ю. Писаревым, категорично требовавшим не включать в статистические отчеты всех, находившихся в вооруженных силах и госпиталях, а также спецконтингент в местах заключения и на спецпоселении²⁵.

²¹ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Куйбышев : Госпланиздат, 1943. С. 11.

²² РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1025, л. 18.

²³ Там же, оп. 20, д. 239, л. 177.

²⁴ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва, 1943. С. 39.

²⁵ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 19.

В документах военного времени эти граждане относились к категории «нераспределенные по территориям». Чтобы показать масштаб образовавшихся статистических пробелов, укажем на то, что по данным ЦСУ Госплана СССР, на 1 января 1942 г. число лиц, оставшихся за рамками статистики, превышало 24 млн человек²⁶. К 1945 г. численность «нераспределенных по территориям» составляла 16 млн человек²⁷.

Среди военнослужащих исключение было сделано только для демобилизованных из Вооруженных сил. При оформлении прописки они заносились в графу «Неизвестно, откуда прибыли». Призывные в армию при оформлении выписки фиксировались в графе «Неизвестно, куда выбыли». И как следствие, в статистической отчетности образовывались значительные возрастно-половые диспропорции, которые свидетельствуют о степени неполноценности статистических материалов. Так, в 1945 г. при фиксации прописки прибывших в городские поселения РСФСР в графу «неизвестно откуда прибыли» были записаны 1 061 тыс. мужчин и 388 тыс. женщин²⁸.

Вместе с тем по-прежнему немаловажным фактором, снижавшим качество статистического учета, оставалась недисциплинированность граждан и халатность отдельных должностных лиц. Не все понимали значение статистического учета и зачастую пренебрежительно относились к прописке-выписке паспортов. Фиксировалось особенно большое количество случаев не оформления выписки. Тот же И. Ю. Писарев в указаниях к составлению предварительного расчета численности населения, предназначенных для работников региональных статуправлений, еще 1 января 1941 г. обращал внимание на неполную прописку прибывающего населения и особенно значительную недовыписку выбывающего населения²⁹. Объективным условием, ухудшавшим статистическую ситуацию, было полное отсутствие статистического учета на территориях, оккупированных немецко-фашистскими войсками. По мере отступления Красной армии вне советского статистического учета оставались миллионы граждан.

Не менее важно подчеркнуть, что в начальный период Великой Отечественной войны был допущен сбой в работе паспортных столов (бюро) и органов статистики. Беспорядок был обусловлен многомиллионными территориальными перемещениями людей (эвакуация, воинские мобилизации, депортации и т. д.). Отдельные статистические учреждения временно прекратили работу в связи с переездом в восточные районы страны в ходе эвакуации. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского о преодолении хаоса в учете³⁰. Но навести должный порядок в статистическом учете удалось только к концу 1942 – началу 1943 гг. Следовательно, за 1941–1942 гг. и частично за 1943 г. мы не имеем надежных данных о движении населения. Цифровые материалы, полученные на основе прописки-выписки вплоть до второй половины 1943 г. не могут служить надежной основой для оценки числа эвакуированных.

²⁶ РГАЭ, оп. 329, д. 791, л. 68.

²⁷ Там же, д. 2219, л. 119.

²⁸ Там же, оп. 20, д. 623, л. 3.

²⁹ Там же, д. 239, л. 84.

³⁰ Там же, д. 239, л. 177.

Таким образом, фиксация прибывших и выбывших долгое время оставалась слабым звеном советской паспортной статистики. И. Ю. Писарев в циркулярном письме, адресованном начальникам региональных статуправлений, 26 августа 1941 г. писал: «Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчете ни в коем случае не следует без критики принимать отчетные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными...»³¹.

Факторы, повышающие точность статистических данных по миграции

Прописки в военные годы была прочно увязана с постановкой граждан на централизованное снабжение продуктами. Получить хлебные карточки, не имея городской прописки, было невозможно³². Значение хлебных карточек как инструмента статистического учета не только численности и состава населения, но и прописки–выписки резко повысилось с 1943 г. с введением так называемых «стандартных справок», усиливших контроль за получением продуктовых карточек³³. Определенную роль в повышении качества прописки играло переуплотнение жилищ в тылу, особенно в районах массового вселения эвакуированных. Стремление избежать подселения заставляло всех проживающих в перенаселенных жилищах – квартирах, домах частного сектора, в бараках, землянках, своевременно приписываться³⁴. Помимо этого, милиция организовывала контрольные обходы жилищ для выявления проживавших без прописки. Немаловажное значение имел и тот факт, что во второй половине 1943 г. было восстановлено заполнение адресных листов на эвакуированных³⁵. Еще одним фактором улучшения статистического учета стало быстрое восстановление разрушенной сети учетных и статистических органов на освобожденных территориях. В данном случае основополагающее значение имело постановление СНК СССР от 7 марта 1943 г. № 229 «О восстановлении учета и отчетности в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»³⁶.

Выводы

Мы считаем допустимым дать высокую оценку советской миграционной статистике в той ее части, которая касалась граждан, имевших паспорта (оставив «за бортом» тех, кому паспорта были «не положены»). В условиях хаоса военных лет бюрократическим институтам, ответственным за прописку-выписку удалось добиться если не полной, то во всяком случае удовлетворительной фиксации прибывших и выбывших. Государство, использовавшее как инструмент паспортный режим и институт прописки, в принципе достигло удовлетворительной точности учета

³¹ РГАЭ, л. 137.

³² ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 303, л. 1.

³³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 339, л. 6–10.

³⁴ Там же, д. 228, л. 35.

³⁵ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва, 1943. С. 39.

³⁶ Материалы и указания по организации учета и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Москва : Бланкоиздательство ЦСУ Госплана СССР, 1944. С. 39, 41.

передвижения людей, обладавших паспортами. Это позволяло получить объективную картину миграций граждан, передвигавшихся «по закону». По имеющимся данным, в 1945 г. по городам РСФСР были зафиксированы 6,5 млн человек, переменивших место жительства, из них 4,3 млн новоселов, прибывших в города, и 2,2 млн мигрантов, выбывших из городов³⁷.

Наряду с этим передвижения миллионных масс, нераспределенных по территориям, а также колхозников и единоличников не фиксировались. Что значительно снижало качество миграционной статистики, ибо за рамками учета оставались миллионы граждан.

Список литературы

1. *Isupov, V. A., Chernysheva, N. V.* Migration of the USSR Population in the Pre-War Years (1939–1940) // *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 70–78. DOI [10.3897/popecon.6.e81466](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81466). EDN [MXRWYU](https://www.edn.ru/entry/12345678).
2. *Попов, В. П.* Паспортная система советского крепостничества // *Новый мир*. 1996. № 6. С. 185–203. EDN [SMUKWM](https://www.edn.ru/entry/12345679).
3. *Любарский, К. А.* Паспортная система и система прописки в России // *Российский бюллетень по правам человека*. 1994. Вып. 2. С. 14–24.
4. *Байбурун, А. К.* Советский паспорт: История – структура – практики. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с. ISBN 978-5-94380-232-4.
5. *Kessler, G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42, No. 2. Pp. 477–504. DOI [10.4000/monderusse.98](https://doi.org/10.4000/monderusse.98).
6. *Исупов, В. А.* К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17. DOI [10.15372/HSS20160102](https://doi.org/10.15372/HSS20160102). EDN [VTIMEF](https://www.edn.ru/entry/12345680).
7. *Рыбаковский, Л. Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Москва : Экон-Информ, 2000. 139 с. ISBN 978-5-9506-0520-8. EDN [QPPADP](https://www.edn.ru/entry/12345681).

Сведения об авторе

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: vladimir_2004@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7378-4403](https://orcid.org/0000-0002-7378-4403); ПИНЦ SPIN-код: [1024-2756](https://www.spin.ru/1024-2756); Scopus Author ID: [7005186122](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=7005186122).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PASSPORT STATISTICS AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF MIGRATION IN RUSSIA (RSFSR) DURING THE SECOND WORLD WAR

Vladimir A. Isupov

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: vladimir_2004@mail.ru

³⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 623, л. 3.

For citation: Isupov, V. A. Passport Statistics as a Source for the History of Migration in Russia (RSFSR) during the Second World War. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 26–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.12).

Abstract. The main objective of the article is to provide a description as detailed as possible of the corpus of statistical sources used by historians in the past, and by demographers, economists and geographers in the present. Accordingly, the author's tasks primarily include identifying the origin of the source, analyzing the informativeness, completeness and reliability of statistical data obtained based on propiska (registration) – issuance of passports. From the standpoint of social history, propiska (registration) is a consequence of the strict passport regime that had developed by the mid-1930s. First, this regime was necessary for the state as an instrument of control over Soviet citizens. At the same time, it was used as a kind of socio-bureaucratic mechanism for recording territorial population movements, assessing their volume and structural characteristics. The operation of this mechanism, assessment of the reliability, accuracy and comparability of the data obtained because of its operation are of great interest to all those who study migrations of the Soviet period in one way or another. Based on the registration of the residence permit and deregistration, it is possible to identify the number of migrants, their composition by gender and age, and most importantly, the territorial and geographical directions of population movement across the country. In this aspect, it is important to determine the actual mechanism for obtaining data, to present the characteristics of the socio-bureaucratic process, because of which the registration and deregistration materials were transformed into digital data characterizing migration. For this purpose, statisticians developed two types of tabular forms that recorded information on the movement of the population by the place of departure and the place of arrival, as well as on the distribution of arrivals and departures by gender and age. These data were of particular importance during the Second World War, since they played a primary role in determining military mobilization and labor resources. Accordingly, the article pays much attention to the study of the actual mechanism for obtaining statistical information.

Keywords: passport regime, migrations, registration, deregistration, registration of arrivals and departures, statistical source

References

1. Isupov, V. A., Chernysheva, N. V. Migration of the USSR Population in the Pre-War Years (1939–1940). *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 70–78. DOI [10.3897/popecon.6.e81466](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81466).
2. Popov, V. P. Paspornnaya sistema sovetskogo krepostnichestva [Passport system of Soviet serfdom]. *Novyi Mir*. 1996. No. 6. Pp. 185–203. (In Russ.).
3. Lyubarskiy, K. A. Paspornnaya sistema i sistema propiski v Rossii [Passport system and registration system in Russia]. *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka [Russian Bulletin on Human Rights]*. 1994. Vol. 2. Pp. 14–24. (In Russ.).
4. Bayburin, A. K. *Sovetskiy pasport: Istoriya – struktura – praktiki [Soviet passport: History – structure – practices]*. Saint Petersburg: European University Publishing in Saint Petersburg, 2017. 488 p. ISBN 978-5-94380-232-4. (In Russ.).
5. Kessler, G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Vol. 42, No. 2. Pp. 477–504. DOI [10.4000/monderusse.98](https://doi.org/10.4000/monderusse.98).
6. Isupov, V. A. On the Question of Migration Types and Their Ratio During the Great Patriotic War. *Humanities in Siberia*. 2016. Vol. 23, No. 1. Pp. 12–17. DOI [10.15372/HSS20160102](https://doi.org/10.15372/HSS20160102). (In Russ.).
7. Rybakovskiy, L. L. *Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]*. Moscow: Econ-Inform Publishing House, 2000. 139 p. ISBN 978-5-9506-0520-8. (In Russ.).

Bio note

Vladimir A. Isupov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: vladimir_2004@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7378-4403](https://orcid.org/0000-0002-7378-4403); RSCI SPIN code: [1024-2756](https://www.spin-portal.ru/spin/1024-2756); Scopus Author ID: [7005186122](https://orcid.org/7005186122).

Received on 08.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The author has read and approved the final manuscript.